

ГЕОПОЛИТИКА: ОТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПЛАНИМЕТРИИ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТЕРЕОМЕТРИИ



Русаков Василий Матвеевич,

Институт международных связей,
зав. кафедрой философии и культурологии,
доктор философских наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: dipi@nm.ru



Саранчин Юрий Константинович,

Уральский государственный экономический университет,
доктор философских наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия

Аннотация

Анализируется переформатирование содержания основных категорий геополитики (линии, границы, сферы, суверенитет) в процессе глобализации и усложнения системы международных отношений, геополитическая планиметрия и стереометрия.

Ключевые слова:

граница, суверенитет, геополитика, международное право.

Геополитика как область политической науки изначально уделяет значительное внимание разнообразной политической геометрии – линиям и фигурам, маркирующим территории и области земной поверхности, на которых реализуются различные властные отношения. Географический детерминизм, оказавший существенное влияние на происхождение геополитики, неизбежно акцентировал этот «землеописательный» аспект (в глубине которого находилось архетипическое ядро с плоской Землей, «стоящей на черепахах»).

В политической науке и практике с древних времен до наших дней большое внимание

уделялось проведению различных *линий*: от древнеримских «лимесов» [3], русской «засечной черты», до линий Дюрана (1893), Гинденбурга (1916–1917), Фоша (1919), Керзона (1919), Мажино (1929–1934), Маннергейма (1920–30 гг.), Сталина и Молотова, и т. п.

Параллельно формировалось и институционализировалось (возможно, еще более древнее, архаичное) представление о *линии-стене* (вале): Адрианов вал, Антонинов вал, вал Чингисхана, Великая китайская стена, Берлинская стена, Марокканская стена, Израильско-арабская стена, стены на границе США и Мексики, Северной и Южной Кореи и т. д.

В геополитике особое место занимают линии государственных границ [1; 2; 3; 5]. Но традиционные представления о границах как линиях на плоскости пришлось значительно изменить – уже в начале XX в. с появлением авиации остро встал вопрос о границах воздушного пространства всякого государства. Современный ФЗ РФ «О государственной границе» это четко фиксирует: Государственная граница – линия и *проходящая по этой линии вертикальная плоскость*, определяющая пределы государственной территории (суши, вод, недр и воздушного пространства) страны, то есть пространственный предел действия государственного суверенитета [15].

Линии, отделяющие сухопутную территорию одного государства от сопредельной территории другого государства, являются государственной границей на суше. Линии, отделяющие территориальные воды от вод открытого моря, то есть линии внешнего предела территориальных вод, а также линии, разграничивающие территориальные воды между двумя соседними государствами, являются морскими государственными границами. В межгосударственной практике известны орографические, геометрические и географические государственные границы. Орографическая граница – линия, проведенная по естественным рубежам с учётом рельефа местности, в основном по горному водоразделу и руслу рек. Но также существует «геометрическая граница», которая пересекает местность без учёта её рельефа (миная населённые пункты) [9].

Будучи идеальными предметами, эти линии обладают свойствами идеальных объектов: географические линии проходят через определённые географические координаты (могут совпадать с параллелью или меридианом). На политической карте мира хорошо видны географические границы, проведенные по параллелям и меридианам, они встречаются в Африке и Америке – где они устанавливались государствами-метрополиями для колоний: около 42% всей длины сухопутных границ в Африке проведены по параллелям, меридианам и равноудаленным линиям – без какого-либо учета социальных реалий. Это, несомненно, говорит о сохраняющемся высоком конфликтном по-

тенциале границ в Африке – 37% границ были навязаны африканцам британскими и французскими колониальными властями [8; 9].

Некоторые особенности политической геометрии имеет международно-правовой режим арктических районов открытого моря (Северный Ледовитый океан). Канада, Россия, США и другие страны разделили его на «полярные сектора». Все земли и острова в пределах «полярных секторов», ледяные поля у берега входят в состав государственных территорий этих стран. «Полярный сектор» – пространство, основанием которого является северная граница государства, вершиной – Северный полюс, а боковыми границами – меридианы. В то же время следует отметить необычность политической геометрии в особом международно-правовом режиме, установленном в Антарктиде по договору 1959 г.: здесь принципиально отсутствуют какие-либо разграничительные линии – материк полностью демилитаризован и открыт для научных исследований всех стран [9].

Американский политолог Н. Спайкмен в 1940 году в работе «Geography of Peace» [4] в противовес «Хартленду» Маккиндера [16] ввел понятие «Римленд» (англ. *Rimland* – «Дуговая земля»). Спайкмен назвал дугу (от англ. *rim* – дуга) прибрежной полосы, окружающей Хартленд с запада, юга и юго-востока. В отличие от Маккиндера, Спайкмен полагал, что именно эта земля имеет решающее стратегическое значение для контроля над Евразией. Можно было бы пожать плечами – мало ли какие линии чертят теоретики, – но на основе теории Спайкмена Соединённые Штаты расположили вокруг Советского Союза целую сеть военных баз дугой от Средиземноморья до Индокитая во время Холодной войны. С другой стороны, мы видим, как последовательно воплощается хорошо известное положение Х. Маккиндера сегодня: «Кто контролирует Восточную Европу, тот командует Хартлендом; кто контролирует Хартленд, тот командует Мировым островом (то есть Евразией и Африкой); кто контролирует Мировой остров, тот командует миром» [17].

Вообще, пристрастие к «дугам» весьма характерно для американской геополитики: З. Бжезинский испещрил глобус «дугами нестабильности» для обоснования давних идей

о вызовах и угрозах американским интересам, прочерчиваемым подобной геометрией [6].

Однако, будучи идеальным объектом, не принадлежащим к вещественной реальности, они обладают достоинством действительности, которая разнообразно опредмечивается соответствующими пограничными знаками, стенами, разметкой и социальными институтами.

XX-ый век внес вклад в переход от традиционной политической планиметрии – к политической стереометрии. И прежде всего это было связано с процессом начавшейся глобализации. Усложнение системы международных отношений неизбежно модифицировало геополитические представления и властно требовало перехода от «плоскостного» воззрения – к пространственному. Вводятся пространственные категории: политические «сферы», «оси», «блоки». Стала все более очевидной тенденция – по мере углубления, проникновения во все более широкие и глубокие слои и сферы существования Земли, человеческое общество и политика неизбежно переходят от планиметрии – к стереометрии. И это не просто метафорические рассуждения о «сферах влияния» и «пространствах силы», а самая что ни на есть злободневная практика новых разграничений, только теперь уже не на плоскости, а в глубине земных недр и мирового океана, в воздушном пространстве и далее – в космосе. Ведь воображаемая плоскость, проходящая по линии государственной границы перпендикулярно земной поверхности, служит границей воздушного пространства соответствующего государства [15; 12].

В конце 1960-х годов инициаторами установления «экономических зон» выступили латиноамериканские государства. К середине 1980-х годов их примеру последовали почти все другие государства мира, в том числе наша страна. На экономические зоны ныне приходится 40% площади Мирового океана, в т. ч. районы, дающие 96% мирового вылова рыбы [10]. Экономические зоны – это районы акватории мирового океана, прочерчиваемые за пределами территориальных вод, – шириной около 200 морских миль, в которых приморское государство осуществляет суверенные права

на разведку и разработку минеральных ресурсов, проведение научных исследований, лов рыбы (зоны национальной юрисдикции на ресурсы), а другие страны пользуются свободой судоходства и имеют доступ к излишкам допустимого улова (по Конвенции ООН по морскому праву) [9; 10].

Но это было лишь началом новой тенденции проведения новых разграничительных линий, пространств, сфер: следующим этапом стал выход политических регуляторов на *континентальный шельф*. В соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. под континентальным шельфом понимается «морское дно и недра подводных районов, простирающихся за пределы территориальных вод государства на всем протяжении естественного продолжения его сухопутной территории до внешней границы подводной окраины материка или на расстояние 200 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориальных вод, когда внешняя граница подводной окраины материка не простирается на такое расстояние» [10]. При этом внешняя граница континентального шельфа не может находиться далее 100 морских миль от 200-метровой изобаты (линии одинаковых глубин) и не должна проходить далее 350 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориальных вод. Нашей стране был выделен участок в центральной, приэкваториальной части Тихого океана (площадью около 75 тыс. км²) для проведения поисково-разведочных работ на дне океана.

Не менее сложный характер имеют проблемы политико-правового регулирования воздушного пространства [12]. Дело в том, что воздушное пространство юридически не однородно. Во-первых, часть его, расположенная над сухопутной и водной территорией государства, включая его территориальное море, является неотъемлемой частью территории, находящейся под суверенитетом государства, где ему принадлежит исключительная юрисдикция в отношении всех находящихся в пределах его территории физических и юридических лиц и иных объединений с должным учетом его соответствующих международных обяза-

тельств. Во-вторых, часть воздушного пространства, расположенная над открытым морем и Антарктикой, является негосударственной, международной территорией со всеми вытекающими отсюда юридическими последствиями.

Основной источник современного воздушного права – Конвенция о международной гражданской авиации 1944 г. (Чикагская конвенция) – содержит определение термина «международное воздушное сообщение» как означающего воздушное сообщение, осуществляемое через воздушное пространство над территорией более чем одного государства (ст. 96) [9; 10].

И, в-третьих, развитие космических транспортных систем и пусковых технологий позволило создавать аэрокосмические объекты, которые могут быть использованы в воздушном и космическом пространстве. В связи с этим возник *вопрос о праве на прохождение этих объектов через воздушное пространство государств*. Речь шла о движении космических аппаратов, в том числе и многоразового использования, на их пути в космос или при возвращении на Землю.

Но правовые режимы воздушного и космического пространства не одинаковы. Воздушное пространство над сухопутной территорией государства и его территориальными водами подпадает под суверенитет этого государства и на него распространяется действие национального законодательства. Космическое пространство используется в интересах всего человечества и его юридический статус регулируется международным правом. Однако вопрос об определении понятия «космическое пространство» не решен [12]. Большинство в Комитете ООН по мирному освоению космического пространства (в том числе и РФ) разделяет точку зрения функциональная – граница воздушного и космического пространства пролегает на высоте 100–110 км. над поверхностью Земли, и дело сводится к характеру используемого космического объекта – спутник ли это, орбитальная станция или аэрокосмический аппарат типа космического «челнока». Но здесь возникает большой спектр неурегулированных проблем: ответственности за возможный ущерб,

спасение терпящих бедствие при возвращении с орбиты и т. п. [11].

Собственно космическое пространство находится за пределами земной территории и его правовой режим пока определяется довольно общими принципами и нормами международного космического права. Но при этом в современном международном праве уже сформировалась новая отрасль со своей политической стереометрией – международное космическое право [12]. Объектом этой отрасли являются: отношения по поводу космического пространства и небесных тел; правовое положение космонавтов, искусственных космических объектов, наземных космических систем; космическая деятельность. Под международным космическим правом понимается отрасль современного международного права, регулирующая отношения между государствами по поводу установления правового режима космического пространства и небесных тел, использования и исследования космического пространства и небесных тел.

Здесь основными источниками международного космического права изначально являются международные договоры: Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, 1967 г. (Договор по космосу) [7], Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство, 1968 г. [14], Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1972 г. (Конвенция об ответственности) [11], Конвенция о регистрации объектов, запущенных в космическое пространство, 1975 г. [12], Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г. (Соглашение о Луне) [13], региональные и двусторонние соглашения между государствами, между государствами и международными организациями.

И хотя возникающие сегодня полуанекдотические попытки неких дельцов продавать «участки» на Луне за скромное вознаграждение воспринимаются пока что как курьез, расчи-

таный на незадачливого обывателя, но в 1980 г. гражданин США Деннис Хоуп официально заявил ООН, правительству Соединенных Штатов и Совету министров СССР о своих притязаниях на Луну и планеты Солнечной системы, за исключением Земли. В связи с отсутствием официальных возражений со стороны адресатов, в соответствии принятой в США практикой, он открыл в Интернете посольство Луны на Земле и начал продавать участки лунной поверхности. И хотя данные сделки не имеют никакой легитимности, к 2002 г. было продано более миллиона участков на Луне и около 100 тысяч – на Марсе и Венере. Не будем забывать историю «покупки» о. Манхеттен у индейцев за символическую сотню долларов.

В начале космической эры человечество с трудом могло представить сегодня вполне практическую проблему – использования геостационарной орбиты. «Речь идет о круговой орбите над поверхностью Земли на высоте около 35 870 км, на которой плоскость орбиты спутника параллельна плоскости экватора Земли. Спутник, находящийся на ГСО, постоянно доступен для наземных станций. Всего трех спутников на ГСО достаточно для поддержания глобальной телекоммуникационной сети. Поэтому геостационарная орбита важна для телевидения, связи и метеорологии. ГСО относится к ограниченным природным ресурсам, что порождает споры о справедливости распределения на ней зон размещения спутников и рабочих радиочастот последних» [12]. И чтобы лучше понять остроту этой проблемы, вспомним, что в декабре 1976 г. в столице Колумбии Боготе экваториальные страны (Колумбия, Эквадор, Конго, Индонезия, Кения, Уганда и Заир) приняли декларацию о распространении национального суверенитета этих стран на геостационарную орбиту Земли. Они заявили, что ГСО зависит от гравитационного поля Земли и потому соответствующие сегменты геостационарной орбиты выступают продолжением национальных территорий, над которыми они находятся» [12].

В современной теоретической и практической геополитике политическая геометрия

стремительно эволюционирует от политической планиметрии к политической стереометрии со всеми вытекающими отсюда вызовами и опасностями. Снисходительное и пренебрежительное отношение к этим тенденциям со стороны законодательной и исполнительной власти современной России, крайне запоздалая реакция на перемены, культивирование примитивных мифов о смысле разнообразных «чертежей» и конфигураций границ страны могут обернуться невосполнимыми потерями – политическими, экономическими и пр. Вспомним, как псевдолиберальная элита в 90-е годы беззаботно раздавала обещания вернуть соседним государствам их некие «исконные» территории. Один только разрыв непрерывной линии границы РФ в гряде Курильских островов чреват столь многими прямыми и отдаленными последствиями, что любая погоня за сиюминутной выгодой граничит с преступлением против долговременных национальных интересов страны. А учитывая, что сопредельные государства сегодня «держат за пазухой» не только мечты о «компенсациях» за советский период, но и территориальные претензии, – к политической планиметрии и стереометрии следует относиться со всей серьезностью (планировать, вырабатывать стратегию, обеспечивать).

В геополитический оборот вводятся в качестве праксеологических категории «пояс бросовых земель» («Леналенд»), «дуговая земля» («Римленд»), «Ось мирового зла» и т. п. Особенную опасность приобрели практические попытки воплощения в жизнь идеи об «устарелости» категории суверенитет, о безусловном «примате международного права над национальным». В конце XX и начале XXI вв. в области суверенитета появились новые аспекты, особенно в контексте обсуждения проблем глобализации и нового мирового порядка: все активнее стала обсуждаться тема изменения, «размывания», «исчезновения» суверенитета. В последнее время всё громче говорится об усилении взаимных связей и взаимозависимости между государствами. Далее в принципе логично утверждается, что это ведёт, с одной стороны, к усилению роли различных надна-

циональных органов, которым государства частично делегируют свои суверенные права (пример – Европейский союз), с другой, – к признанию ряда проблем (например, права человека), выходящих за рамки исключительного ведения отдельных государств и подлежащими международному регулированию. Так был провозглашен принцип: «нарушения прав человека не являются внутренним делом». А вот далее пошли уже довольно двусмысленные решения: в 2000 году под эгидой ООН была создана «Международная комиссия по вопросам вмешательства и государственного суверенитета». Обратим внимание – допущение, легитимация «вмешательства» и постановка под вопрос «суверенитета». В своем докладе Комиссией высказывается мнение о том, что в том случае, если государство не способно защитить людей – будь то из-за отсутствия возможностей, либо из-за отсутствия воли, – ответственность переходит к широкому международному сообществу (это вполне может оказаться НАТО, США с союзниками).

Бездумное отношение к регулированию рыночных отношений, погоня за «прибылью» уже сегодня чревата угрозой потери части суверенитета. Речь идет о процессах скупки земель за рубежом, которые сейчас особенно активно проводят компании Китая, Южной Кореи, Японии, Саудовской Аравии и ОАЭ, на очереди – Индия. Китайские компании уже совершили несколько земельных сделок, выкупив права аренды и приобретя в собственность земли в Африке, Центральной Азии, Южной Америке, Юго-Восточной Азии и Бирме.

Освобождение ото льдов Северного морского пути в результате таяния приполярной арктической «шапки» несколько неожиданно для многих обозначилось лихорадочным ажиотажом по поводу превращения его в международную сферу. Не следует пренебрежительно отмахиваться как от досужей риторики от имеющих хождение на Западе идей о том, что Россия не способна справиться со своей огромной территорией, грамотно (экономично, или, например, «экологично») распорядиться своими недрами (дескать, «все равно тупо и бездарно

перекачивает эти богатства на Запад, а деньги оседают в оффшорах»). Экономика и политика «нефтяной трубы», действительно, принципиально не способны ни осмыслить эти угрозы, ни тем более – противопоставить им эффективную защиту национальных интересов страны.

1. Boundaries in Question: New Directions in International Relations / Macmillan J. and Linklater A. (eds). London and New York: Frances Pinter, 1995.
2. Foucher M. Fronts et Frontieres: Un tour du monde geopolitique. Paris: Fayard, 1991.
3. Newman D. The lines that separate: boundaries and borders in political geography // A Companion to Political Geography / Agnew J. and Toal G. eds. Oxford, 2002.
4. Spickmen N. The Geography of the Peace, New York, Harcourt, Brace and Company, 1944.
5. The Geography of Border Landscapes / Rumley D. and Minghi J. eds. Routledge: London, 1991.
6. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1982.
7. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, 1967 г.
8. Колосов В. Теоретическая лимология: новые подходы // Пространство и время, 2003, т. 1 (№ 3).
9. Колосов В. В., Туровский Р. Ф. Современные государственные границы: новые функции в условиях интеграции и приграничное сотрудничество // Известия РАН. Серия географическая. 1998. № 1.
10. Конвенция ООН по морскому праву 1982 г.
11. Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1972 г.
12. Крутских А. Космос в политическом измерении (<http://www.intertrends.ru/fourteen/002.htm>).
13. Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г.
14. Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство, 1968 г.
15. Федеральный закон Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. N 4730-1 г. Москва. «О Государственной границе Российской Федерации» // <http://www.rg.ru/1993/05/04/gosgranica-dok.html>.
16. Х. Маккиндер. Круглая Земля и обретение мира (перев. и коммент. В. Цымбургского) // Журнальный клуб Интелрос, «Космополис» № 16, 2007.
17. Х. Дж. Маккиндер. Демократические идеалы и реальность // <http://www.politstudies.ru/fulltext/2011/2/12.pdf>.

1. Boundaries in Question: New Directions in International Relations / Macmillan J. and Linklater A. (eds). London and New York: Frances Pinter, 1995.
2. Foucher M. Fronts et Frontieres: Un tour du monde geopolitique. Paris: Fayard, 1991.
3. Newman D. The lines that separate: boundaries and borders in political geography // A Companion to Political Geography / Agnew J. and Toal G. eds. Oxford, 2002.

4. Spickmen N. The Geography of the Peace, New York, Harcourt, Brace and Company, 1944.
5. The Geography of Border Landscapes / Rumley D. and Minghi J. eds. Routledge: London, 1991.
6. Bzhezinskij Z. Velikaya shaxmatnaya doska. M., 1982.
7. Dogovor o principax deyatel'nosti gosudarstv po issledovaniyu i ispol'zovaniyu kosmicheskogo prostranstva, vkluchaya Lunu i drugie nebesnye tela, 1967 g.
8. Kolosov V. Teoreticheskaya limologiya: novye podxody // Prostranstvo i vremya, 2003, t. 1 (№ 3).
9. Kolosov V.V., Turovskij R.F. Sovremennye gosudarstvennye granicy: novye funkcii v usloviyax integracii i prigranichnoe sotrudnichestvo // Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya. 1998. № 1.
10. Konvenciya OON po morskomu pravu 1982 g.
11. Konvenciya o mezhdunarodnoj otvetstvennosti za usherb, prichinennyj kosmicheskimi ob'ektami 1972 g.
12. Krutskix A. Kosmos v politicheskom izmerenii (<http://www.intertrends.ru/fourteen/002.htm>).
13. Soglashenie o deyatel'nosti gosudarstv na Lune i drugix nebesnyx telax 1979 g.
14. Soglashenie o spasanii kosmonavtov, vozvrashhenii kosmonavtov i vozvrashhenii ob'ektov, zapushhennyx v kosmicheskoe prostranstvo, 1968 g.
15. Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 1 aprelya 1993 g. N 4730-I g. Moskva. «O Gosudarstvennoj granice Rossijskoj Federacii» // <http://www.rg.ru/1993/05/04/gosgranica-dok.html>.
16. X. Makinder. Kruglaya Zemlya i obretnenie mira (perев. i komment. V. Cymburskogo) // Zhurnal'nyj klub Intelros, «Kosmopolis» № 16, 2007.
17. X.Dzh. Makkinder. Demokraticheskie idealy i real'nost' // <http://www.politstudies.ru/fulltext/2011/2/12.pdf>.

UDC 321.01+342.1

GEOPOLITICS: FROM POLITICAL PLANIMETRY TO POLITICAL STEREOOMETRY

Rusakov Vasilii Matveevich,

Institute of International Relations,
Head of the Chair of Philosophy and Culturology,
Doctor of Sciences (Philosophy), full professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: dipi@nm.ru

Saranchin Yurii Konstantinovich,

Ural state economic university,
PhD, professor,
Yekaterinburg, Russia

Annotation

We analyze the content of the main categories of reformatting geopolitics (lines, borders, the scope of sovereignty) in the process of globalization and the complexity of the system of international relations, geopolitical plane and space geometry.

Key words:

border, sovereignty, geopolitics, international law.

МЕЖДУ ДВУХ КУЛЬТУР: ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И ВЕХИ ТВОРЧЕСТВА БЫВШЕГО ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА УРГУ

Интервью с М.А. Малышевым

Интервью подготовила и провела И.Б. Фан



*Михаил Алексеевич Малышев (05.06.1943) – профессор-исследователь Гуманитарного факультета Автономного университета штата Мехико, координатор научного журнала *Ciencia ergo sum* г. Толука (Мексика). Он кандидат философских наук (1971), в 1970–1980-е годы – доцент кафедры истории философии Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Михаил Алексеевич является членом национальной системы исследователей Мексики, Московской академии естественных наук, Международной академии дискурс анализа. За многолетнюю работу Михаил Алексеевич был награжден Почетной грамотой Автономного университета штата Мехико как лучший преподаватель факультета, а также ему было присвоено звание Лучшего преподавателя высшей школы Мексики.*

Высокое признание получала деятельность М.А. Малышева в качестве профессора-советника ФПК педагогического университета Гаваны (Куба), профессора-советника Факультета философии и словесности университета Сантьяго де Куба (Куба), Исследователя Центра по рас-

пространению и координации латиноамериканских исследований Национального Автономного университета Мексики, приглашенного профессора Факультета философии и словесности Автономного университета Нового Леона. Михаил Алексеевич участвовал в 70 симпозиумах и конгрессах на национальном и международном уровнях. Он член редколлегии журналов «La Colmena», «Coatepec», «Дискурс-Пи».

*М.А. Малышев автор более 150 научных работ на русском и испанском языках, изданных в России, Мексике, Испании, Германии, Бразилии, США и ряде других стран. Его публикации поражают многообразием жанров – это научные монографии и статьи, книги афоризмов, эссе, переводы (напр., Хосе Ортега-и-Гассет. *Лекции по метафизике*. Екатеринбург, 2000). Среди них и книги, изданные в России: *Человек и мир его переживаний* (Екатеринбург, 2000), *Аффективные переживания и поиски смысла жизни* (Екатеринбург, 2006), *Признание – выражение смысла отношения человека к человеку* (М., 2003) и др.*